

Литературный факт 2026. № 3 (41).
Literaturnyifakt [Literary Fact], no. 3 (41), 2026

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (41), 2026

Научная статья

18+ В работе содержатся ссылки на материалы лиц, признанных иноагентами, и/или нежелательных организаций, информация о которых предоставлена в соответствующем библиографическом списке / постраничных сносках.

УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-311-321>

<https://elibrary.ru/SKTODR>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Круговое терпенье. К теме «Мандельштам и кино»

© 2026, И.З. Сурат

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена истолкованию строки «За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда» из стихотворения О.Э. Мандельштама «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» (1931) — до сих пор ее смысл остается не раскрытым. В статье рассмотрены комментарии к этим словам в исследованиях О. Ронена и Л.М. Видгофа, возводящих мандельштамовскую метафору к стихотворению Б.Л. Пастернака «Лето» («Ирпень — это память о людях и лете...», 1930). В дополнение к ним выдвинуто предположение о визуальной основе мандельштамовского образа — в работе он связывается с кадрами из фильма «Шкурник» (1929), подробно проанализированного Мандельштамом во внутренней рецензии («Шпигун», 1929). Показано, что Мандельштам соотносил сюжет фильма с определенными эпизодами собственной биографии периода Гражданской войны. Образ «кругового терпенья» анализируется в контексте темы труда в поэзии и прозе Мандельштама, привлекаются параллели из «Четвертой прозы» (1929–1930), «Открытого письма советским писателям» (1930), стихотворения «На каменных отрогах Пизрии» (1919).

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, поэзия и кино, поэтическая семантика

Информация об авторе: Ирина Захаровна Сурат — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5933-0491>

E-mail: i-surat@mail.ru

Для цитирования: Сурат И.З. Круговое терпенье. К теме «Мандельштам и кино» // Литературный факт. 2026. № 3 (41). С. 311–321. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-311-321>

Предмет наших разысканий — словосочетание из хрестоматийно известного и хорошо изученного стихотворения О. Мандельштама:

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда...

[6, т. 1, с. 160]

Что такое «круговое терпенье»? Об этом задумывались, но ни в одной из многочисленных работ об этих стихах внятного ответа мы не нашли.

Стихотворение написано в 1931 г., в период, когда Мандельштам пытался выстроить свои отношения с новой советской реальностью и понять свое место в «народной семье». Относительно адресата высказывались разные мнения: Ахматова, Надежда Мандельштам, верховная власть, русский язык и, наконец, народ; не вдаваясь здесь в обсуждение темы, будем исходить из того, что верно последнее.

Поэт обращается к народу с просьбой о сохранении поэтической речи, и важно понять, какие качества этой речи он считает близкими народу и достойными сохранения. «Смола кругового терпенья» и «совестный деготь труда» сливаются тут в цельный метафорический комплекс: *смола и деготь терпенья и труда* (курсив здесь и далее мой. — И.С.). «Смола» и «деготь» — образы одного семантического поля, что-то тягучее, вязкое, несмываемое.

Омри Ронен в давней работе указал на связь «смолы кругового терпенья» со стихотворением Пастернака «Лето» (1930) [12, с. 1761] — оно было напечатано в апрельском номере «Нового мира» за 1931 год. Первые строфы:

Ирпень это память о людях и лете,
О воле, о бегстве из-под кабалы,
О хвое на зное, о белом левкое
И смене безветрия, ведра и мглы.

О белой вербене, о терпком терпенье
Смолы, о друзьях, для которых малы
Мои похвалы и мои восхваленья,
Мои славословья, мои похвалы¹.

¹ Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. С. 354–355.

Мандельштам был очень впечатлен этим стихотворением Пастернака, читал его наизусть, восхищался им, говорил, что это «гениальные стихи», — все это засвидетельствовала Эмма Герштейн [3, с. 31]

Ключ к пастернаковской «каламбурной метафоре “о терпком терпении / Смолы”» Омри Ронен увидел «в слове “терпентин”, не присутствующем в тексте» [9, с. 104].

После Ронена дальнейшей проработкой мандельштамовской «смолы кругового терпения» в связи со стихами Пастернака занялся Л.М. Видгоф, писавший:

«Терпкое терпенье» смолы явно указывает на терпентин, терпентиновое масло (отметим также попутно и звуковое подобие слов «смола» и «масло»), иначе скипидар. Добывается терпентиновое масло из смолы хвойных деревьев (Пастернак в «Лете» пишет «о хвое на зное»); это ценная жидкость, применяемая, в частности, в качестве растворителя лаков и красок (для Пастернака, сына художника, естественно было бы знать об этом), используется и в медицине. Мандельштам, «подхватив» пастернаковские слова, преобразует их и наделяет новым смыслом <...> «За смолу кругового терпения» — говорит, думается, о долгой терпеливой работе поэта по выработке драгоценной «смолы» поэзии. Какой смысл имеет в данном случае определение «круговое», автору этих строк не совсем понятно. Ранее это представлялось ему так: «круговое» — «общее», «народное», «мирское», выражающее прочную связь с другими людьми, народом. Ср.: «На круговом, на мирном судьбище...» («А небо будущим беременно...», 1923, 1929). (Больше нигде в стихах Мандельштама лексема «круговой» не встречается, только в этих двух случаях. В повести «Египетская марка» есть еще «круговая порука», что отмечено О. Роненом в уже упоминавшейся статье.) Но может быть, в сочетании «смола кругового терпения» определение значит «постоянного», «непрекращающегося»? Так или иначе, Мандельштам заимствует у Пастернака «древесный» мотив и использует его в своих целях: сравнивает поэта с деревом, терпеливо, по капле порождающим полезную смолу... [1]

Упомянутое Л.М. Видгофом понимание слова «круговое» как «общее», «коллективное» придется отменить — поэт говорит о собственной поэтической речи и ее особенностях.

Невозможность раскрыть тот или иной мандельштамовский образ изнутри, из контекста творчества, побуждает исследователей

искать внешний его источник. Пастернаковское «Лето» определенно говорит о происхождении самой метафоры — Мандельштам ее перевернул и переакцентировал, вместо «терпенья смолы» появилась у него «смола терпенья», однако это сопоставление не помогает прояснить эпитет «круговое», связанный, как кажется, с конкретным визуальным образом. Чтобы разобраться с этим, нам придется на время отойти от поэтического текста.

В 1929 г. на экраны страны должен был выйти немой фильм «Шкурник» режиссера Николая Шпиковского по мотивам рассказа Вадима Охременко «Цыбала» (1928)². Рассказ этот, или маленькая повесть для детей среднего и старшего возраста, повествует о злоключениях верблюда, случайно оказавшегося во время гражданской войны на территории Украины. Читал ли ее Мандельштам, мы не знаем, а вот сценарий фильма он читал наверняка — один из авторов сценария, Б. Розенцвейг, был ему лично знаком. «Цибала» в повести — это прозвище верблюда, означающее «длинноногий», «неуклюжий». Повесть Охременко рассказывает о том, как верблюд попадает то в одни руки, то в другие, то к белым, то к красным, то в банду, то к цыганам, его то ранят, то крадут, то запрягают в селяку, то он катает пионеров, то его используют как агитационного верблюда для сбора денег; в итоге он, испугавшись автомобиля, падает в овраг и погибает. По мотивам этого рассказа снимался фильм на Киевской киностудии, но фильм довольно далеко уходит от рассказа; главное отличие состоит в том, что у Охременко героем является сам верблюд, а в фильме главным героем ставится хозяин верблюда, завладевший им по случаю.

В январе-феврале 1929 г. Мандельштам пытался при посредничестве Исаака Бабеля получить место редактора-консультанта на киевской кинофабрике — об этом он сообщает отцу в письме середины февраля 1929 г. [6, т. 3, с. 474; 5, с. 349]. Он должен был писать отзывы на сценарии и на какие-то уже готовые, отснятые материалы. Фильм Николая Шпиковского Мандельштам видел еще до премьеры и предположительно в марте-апреле 1929 г. написал на него подробную одобрительную рецензию под названием «Шпигун» (то есть шпион), однако фильм был запрещен к показу, поскольку в нем была усмотрена дискредитация Красной Армии.

² У фильма было несколько версий и, соответственно, несколько названий: «Знакомое лицо», «Шкурник», «Цыбала», «История одного обывателя», «Приключения Шмыгуева» [7, с. 10].

Как вспоминала Надежда Яковлевна, создателей фильма «заставили переснять огромные куски, потому что красноармейцы в гражданскую войну были сначала показаны такими, как были, то есть оборванцами. По требованию идеологов их пришлось приодеть и привести в почти элегантный вид» [5, с. 350]. Так или иначе, 1 мая 1929 г. состоялась киевская премьера, и после нее фильм окончательно запретили с таким вердиктом: «...гражданская война рассматривается в фильме только с точки зрения ее темных отвратительных сторон. Грабеж, грязь, тупоумие Красной Армии, местной Советской власти и т. д. Получился скверный пасквиль на действительность того времени» [7, с. 10]. Фильм запретили, забыли о нем и вряд ли вспомнили бы, если б не рецензия Мандельштама, найденная в его бумагах и опубликованная в 1977 г., — она дала повод отыскать фильм на полках Госфильмофонда, восстановить его и уже в наши времена, в 2000-е гг., выложить в открытый доступ.

Внутренняя рецензия написана Мандельштамом как полноценная критическая статья, плотная по мысли, точная по эстетическим оценкам; она начинается с характеристики верблюда и его нелепого положения между белыми и красными — именно это составляет комическую основу фильма, поскольку верблюд вместе со своим хозяином поочередно оказывается во власти то одной, то другой воюющей стороны (в фильме эта политическая составляющая акцентирована по сравнению с рассказом Охременко). «Верблюд — фигура нейтральная, — пишет Мандельштам. — Он одинаково чужд и белым, и красным. Хотя Шпиковский и заставляет верблюда чихнуть в лицо бывшему уряднику, осквернив его хлопьями пены, — это неубедительно. Благородный зверь мог осквернить своим поганым чихом любого и красного командира. Верблуду все равно, на кого чихать, — нельзя сделать его орудием политики. Верблюд здесь важен как прием остранения» [6, т. 3, с. 237]. Как видим, Мандельштам пишет не о хозяине, главном герое фильма «Шкурник», а о верблюде, и рецензия его называется не «Шкурник», а «Шпигун», — в его восприятии акцент перенесен на человека на верблюда.

Мандельштам не мог не соотнести этот сюжет с собственными скитаниями и приключениями периода гражданской войны, когда он уехал от событий в Крым, потом в Грузию и в результате на протяжении одного месяца 1920 г. был дважды арестован — сначала врангелевцами, а потом батумскими властями. Вот его рассказ, переданный Николозом Мицишвили, грузинским поэтом, знакомым

Мандельштама: «От красных бежал в Крым. В Крыму меня арестовали белые, будто я большевик. Из Крыма пустился в Грузию, а здесь меня приняли за белого. Какой же я белый? Что мне делать? Теперь я сам не понимаю, кто я — белый, красный или какого еще цвета. А я вовсе никакого цвета. Я — поэт, пишу стихи и больше всяких цветов теперь меня занимают Тибулл, Катулл и римский декаданс...» [8, т. 1, с. 402].

Самоидентификация поэта с героем фильма, то есть именно с верблюдом, кажется органичной, если помнить про общеизвестное, отмеченное во многих мемуарах внешнее сходство Мандельштама с этим животным. Из ряда свидетельств приведем лишь самые характерные. Это сходство зафиксировано, в частности, в двух прозаических текстах Цветаевой. В ее «Истории одного посвящения» (1931) читаем: «У Мандельштама глаза всегда опущены: робость? величие? тяжесть век? веков? Глаза опущены, а голова отброшена. Учitando длину шеи, головная посадка верблюда», и дальше о нем же: «Вокзал. Слева, у меня над ухом, на верблюжьей шее взволнованный кадык...» [8, т. 1, с. 299, 301]. В другом прозаическом сочинении Цветаевой — в «Нездешнем вечере» (1936) можно уловить исток ее верблюжьей темы. Воскрешая в памяти один из вечеров в Петрограде, в доме Каннегисеров, она пишет о том, как сын хозяина путешественник Сережа поразил тогда ее воображение рассказами «про верблюдов своих пустынь», так что и комната, где читали стихи, стала казаться ей пустыней, и там же: «Осип Мандельштам, полузакрыв верблюжьи глаза, вещает...» [11, т. 4, с. 283, 285, 287]. Все это происходило в январе 1916 г., а вскоре, в 1917-м, Цветаева написала стихотворение «Верблюд».

О сходстве Мандельштама с «верблюдиком» писал и В.П. Катаев — и в романе «Алмазный мой венец», и в собственно мемуарной книге «Трава забвения»: «...Он расхаживал по своей маленькой нишей комнатке на Тверском бульваре, 25, во флигеле дома, где некогда жил Герцен, горделиво закинув вверх свою небольшую верблюжью головку, и в то же время жмурился, как избалованный кот, которого чешут за ухом. <...> Мое появление сбilo его с очень сложного ритма, и он зажмурился с несколько раздраженной кошачьей улыбкой, что, впрочем, не мешало ему оставаться верблюдиком»; «Я изучал задранное лицо Мандельштама и понял, что его явное сходство с верблюдиком всё же не дает настоящего представления о его характере и художественно является слишком элементарным» [8, т. 2, с. 21, 26]. Надежде Яковлевне это наблюдение понравилось: «В Ташкенте во время эвакуации я встретила счастливого Катаева.

Подъезжая к Аральску, он увидел верблюда и сразу вспомнил Мандельштама: “Как он держал голову — совсем как О. Э.”... От этого зрелища Катаев помолодел и начал писать стихи. Вот в этом разница между Катаевым и прочими писателями: у них никаких неразумных ассоциаций не бывает. Какое, например, дело Федину до верблюдов или стихов?» [4, с. 335]. Примечательно, что Надежда Яковлевна как-то связывает верблюжью осанку со стихами, с творчеством.

Екатерина Петровых, сестра Марии Петровых, тоже говорила об этом сходстве: «...высоко поднятая голова Мандельштама напоминала посадку головы у верблюда; во время чтения стихов он закидывал голову еще больше» [2, с. 443].

Сравнение Мандельштама с верблюдом было общим местом впечатлений современников, как, впрочем, и сравнение его с птицей — щеглом, петухом или цыпленком. Художник Владимир Милашевский, рисовавший Мандельштама с натуры в 1932 г., один из сделанных портретов называл «верблюдикум» [8, т. 1, с. 521] (через много лет он повторил этот карандашный портрет по памяти и сгладил верблюжьи черты).

Художественная проекция этой темы есть в мандельштамовской прозе: авторского героя «Египетской марки» в школе дразнили «овцой», “лакированным копытом”, “египетской маркой” и другими обидными именами; в черновиках осталось пояснение к «египетской марке» — «пирамида на зеленом фоне и отдыхающий на коленях верблюд» [6, т. 2, с. 283, 384]³. В этом контексте вполне объяснимы личные ассоциации, отмеченные нами в мандельштамовской рецензии на фильм о верблюде.

Мандельштаму не понравилось искусственное соединение приключенческого сюжета с темой труда: «...какой-то недобрый гений внушил Шпиговскому, что, наряду с фольклорной темой верблюжьего шпигуна и даже в противовес ей, надо крепить и развивать тему труда и хозяйства» [6, т. 3, с. 240]. Но эта тема возникает только в финальном эпизоде, где показана торжественная интеграция пойманного верблюда в народное хозяйство: под титры «Хоть и герой, а без дела не стой!» его запрягают в конный привод, и последние три минуты фильма он медленно ходит по кругу вместе с лошадьми, приводя в движение механизм то ли соломорезки, то ли молотилки на фоне картины дружного воодушевленного труда колхозников и колхозниц. Финал запоминающийся, нарочито затянутый, в каком-то смысле символический — опасная, полная приключений

³ Подробнее об этом см.: [10].

жизнь беглого верблюда приходит к этой точке, к подневольному труду, к бесконечному тягучему движению по кругу. Что же касается терпения, то в народном сознании верблюд традиционно связывается с этим качеством, как заяц — с трусостью, а лиса с хитростью.

Похоже, именно к этому впечатлению восходит мандельштамовская строка про «смолу кругового терпенья и совестный деготь труда». Мандельштам вообще остро воспринимал кино, в его стихах немало отсылок к кинофильмам, помимо эксплицированных и общеизвестных, как в стихах «Чарли Чаплин» (1937), «От сырой простыни говорящая...» (1935), «День стоял о пяти головах...» (1935), есть аллюзии менее явные, как общие (фильм Эсфири Шуб «Конец династии Романовых» в «Стихах о неизвестном солдате», 1937), так и частные, до сих пор не раскрытые (образы мультфильмов Владислава Старевича в стихотворении «За Паганини длиннопалым»). К числу последних, как кажется, относится и описываемый случай.

Через несколько месяцев после просмотра фильма о верблюде и после рецензии на него, а именно в декабре 1929 – начале 1930 гг. Мандельштам прямо применяет этот визуальный образ труда к себе самому. В начале 16-й главки «Четвертой прозы» читаем:

Сколько бы я ни трудился, если бы я носил на спине лошадей, если бы я крутил мельничьи жернова, — все равно никогда я не стану трудящимся. Мой труд, в чем бы он ни выражался, воспринимается как озорство, как беззаконие, как случайность. Но такова моя воля, и я на это согласен. Подписываюсь обеими руками.

Здесь разный подход: для меня в бублике ценна дырка. А как же с бубличным тестом? Бублик можно слопать, а дырка останется.

Настоящий труд — это брюссельское кружево. В нем главное то, на чем держится узор: воздух, проколы, прогулы.

А ведь мне, братишки, труд впрок не идет. Он мне в стаж не зачитывается [6, т. 2, с. 358].

«Крутил мельничьи жернова» — вряд ли Мандельштам различал мельничный жернов и круговую молотилку, да это и неважно, зрительно это один и тот же образ «кругового», тяжелого труда, противопоставленного в «Четвертой прозе» труду «настоящему» — воздушному, кружевному, то есть, очевидно, собственно поэтическому.

Вообще тема труда и трудящегося у Мандельштама неслучайна, в его системе ценностей труд занимает одно из важных мест: «Есть блуд труда и он у нас в крови...» («Полночь в Москве», 1931) [6, т. 1, с. 163]. Он любил труд и ценил возможность труда,

особенно в последние годы и особенно «сладкогласного» труда, то есть свободного, поэтического: «В роскошной бедности, в могучей нищете / Живи спокоен и утешен — / Благословенны дни и ночи те, / И сладкогласный труд безгрешен» («Еще не умер ты, еще ты не один...», 1937) [6, т. 1, с. 218]. Но и другой литературный труд он не считал чем-то для себя зазорным: «Я, дорогие товарищи, не ангел в ризах, <...> но труженик, чернорабочий слова, переводчик. Я чернорабочий, и глыбы книг ворочал своими руками. Какие там к черту ризы! Я чернорабочий, я издательский негр...» («Открытое письмо советским писателям», начало 1930 г.) [6, т. 3, с. 488]. Мандельштаму в 1920–1930-е гг. много пришлось заниматься разного рода литературным трудом — он не только переводил большие объемы текстов, но и контаминировал и редактировал чужие переводы, писал рецензии, сценарии радиопередач, готовил радиомонтажи по чужим пьесам и романам... Все это получалось у него не всегда хорошо, утомляло, требовало терпения — оставалось только мечтать об островах блаженных, («...Где не едят надломленного хлеба, / Где только мед, вино и молоко, / Скрипучий труд не омрачает неба / И колесо вращается легко» («На каменных отрогах Пиэрии...», 1919) [6, т. 1, с. 105].

Литература

1. Видгоф Л.М. Из наблюдений над стихами О. Мандельштама // Звезда. 2022. № 11. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=4418> (дата обращения: 01.06.2026).
2. Видгоф Л.М. «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город. М.: Астрель, 2012. 703 с.
3. Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб., ИНАПРЕСС, 1998. 528 с.
4. Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. 576 с.
5. Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М.: Согласие, 1999. 768 с.
6. Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. / [сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Мец]. М.: Прогресс-Плеяда, 2009–2011.
7. Марголит Е., Шмыров В. (изъятое кино) 1924–1953. М.: Дубль-Д, 1995. 133 с.
8. Осип Мандельштам глазами современников: в 2 т. / сост. О.А. Лекманов⁴ и Л.М. Видгоф; предисл. О.А. Лекманов; коммент. О.А. Лекманов,

⁴ Лекманов Олег Андершанович, 11.01.1967 г. р., на основании статьи 7 Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным контролем» 25 октября 2024 г. включен Министерством юстиции РФ в Реестр иностранных агентов в России.

С.А. Киселева, О.В. Бартошевич-Жагель, Л.М. Видгоф, Д.В. Зуев. СПб., Вита Нова, 2025.

9. Ронен О. Шрам. Вторая книга из города Энн. СПб.: Звезда, 2007. 326 с.

10. Сурат И.З. О поэтах и верблюдах: Осип Мандельштам в глазах Арсения Тарковского // Октябрь. 2016. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2016/3/o-poetah-i-verblyudah-osip-mandelshtam-v-glazah-arseniya-tarkovskogo.html> (дата обращения 01.06.2026).

11. Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т. / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. М.: Эллис Лак. 1994–1997. 693 с.

12. Ronen O. A Beam upon the Axe. Some Antecedents of Osip Mandel'stam's "Umyvalsja noc'ju na dvore..." // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. I. P. 158–176.

Research Article

Circular Patience. On the Issue of “Osip Mandelstam and Cinema”

© 2026. Irina Z. Surat

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article deals with the interpretation of the line “For the resin of circular patience and the conscientious tar of labour” from Osip Mandelstam’s poem “Save my word forever for the taste of misfortune and smoke...” (1931) — its meaning remains as yet unexplained. It examines the commentary on these words in the research of Omry Ronen and Leonid Vidgof, who trace the genesis of Mandelstam’s metaphor to Boris Pasternak’s poem “Summer” (“Irpen is the memory of south and summer...”, 1930). In addition to the commentary, the paper suggests that Mandelstam’s image is visual in nature, linking it to images from the film “The Self Seeker” (1929), which Mandelstam analyzed in detail in his internal review (“Shpigun,” 1929). It is shown that Mandelstam associated the story of the film with certain episodes of his own biography during the Civil War. The image of “circular patience” is analyzed in the the context of the theme of work and labour in Mandelstam’s poetry and prose; parallels from “The Fourth Prose” (1929–1930), “Open Letter to Soviet Writers” (1930), and the poem “On the Stone Spurs of Pieria” (1919) are also examined.

Keywords: Osip Mandelstam, poetry and cinema, poetic semantics

Information on the author: Irina Z. Surat, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5933-0491>

E-mail: i-surat@mail.ru

For citation: Surat I.Z. “Circular Patience. On the Issue of ‘Osip Mandelstam and Cinema’.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (41), 2026, pp. 311–321. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-311-321>

References

1. Vidgof, L.M. “Iz nabliudenii nad stikhami O. Mandel'shtama” [“Observations on Mandelstam’s Poetry”]. *Zvezda*, no. 11, 2022. Available at: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=4418> (Accessed 01 June 2026). (In Russ.)
2. Vidgof, L.M. “*No liubliu moiū kurvu-Moskvu.*” *Osip Mandel'shtam: poet i gorod* [“*But I Love My Bitch Moscow.*” *Osip Mandelstam: The Poet and the City*]. Moscow, Astrel’ Publ., 2012. 703 p. (In Russ.)
3. Gershtein, E.G. *Memuary* [Memoirs]. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1998. 528 p. (In Russ.)
4. Mandel'shtam, N.Ia. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow, Soglasie Publ., 1999. 576 p. (In Russ.)
5. Mandel'shtam, N.Ia. *Vtoraia kniga* [The Second Book]. Moscow, Soglasie Publ., 1999. 768 p. (In Russ.)
6. Mandel'shtam, O.E. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 3 t.* [Complete Works and Letters: in 3 vols.], comp., text prep. and comm. by A.G. Mets. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2009–2011. (In Russ.)
7. Margolit, E., and V. Shmyrov. *(iz"iatoe kino) 1924–1953* [(Confiscated Cinema) 1924–1953]. Moscow, Dubl'-D Publ., 1995. 133 p. (In Russ.)
8. *Osip Mandel'shtam glazami sovremennikov: v 2 t.* [Osip Mandelstam Through the Eyes of His Contemporaries: in 2 vols.], comp. by O.A. Lekmanov and L.M. Vidgof, introd. by O.A. Lekmanov, comm. by O.A. Lekmanov, S.A. Kiseleva, O.V. Bartoshevich-Zhagel, L.M. Vidgof, and D.V. Zuev. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2025. (In Russ.)
9. Ronen, O. *Shram. Vtoraia kniga iz goroda Enn* [A Scar. The Second Book from the City of N]. St. Petersburg, Zvezda Publ., 2007. 326 p. (In Russ.)
10. Surat, I.Z. “O poetakh i verbliudakh: Osip Mandel'shtam v glazakh Arseniia Tarkovskogo” [“On Poets and Camels: Osip Mandelstam Through the Eyes of Arseny Tarkovsky”]. *Oktyabr'*, no. 3, 2016. Available at: <https://magazines.gorky.media/october/2016/3/o-poetah-i-verblyudah-osip-mandelstam-v-glazah-arseniya-tarkovskogo.html> (Accessed 01 June 2026). (In Russ.)
11. Tsvetaeva, M.I. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.], comp., text prep. and comm. by A. Saakians and L. Mnukhin. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994–1997. 693 p. (In Russ.)
12. Ronen, O.A. “Beam upon the Axe. Some Antecedents of Osip Mandel'stam's ‘Umyvalsja noc'ju na dvore...’” *Slavica Hierosolymitana*, vol. 1, 1977, pp. 158–176. (In English)